

**Михаил
СМОЛЬЯНИНОВ,**
кандидат
исторических наук

Первая мировая война имела чрезвычайно разрушительный характер и стала большой трагедией для многих народов мира. В ней участвовали 33 государства, а также британские доминионы и колония Индия с общим населением 1,5 млрд. человек. Из 74 млн. человек, мобилизованных на фронт, в результате военных действий было убито и умерло от ран 10 млн. человек, ранено – более 20 млн. человек. Около 10 млн. человек умерло от эпидемий и голода. Война нанесла большой материальный ущерб, поставила экономику воюющих государств на грань опустошения.

Горе, жертвы и разрушения принесла война мирным жителям, особенно тех районов, которые стали ареной военных действий. При отступлении под натиском немецких войск верховное командование русской армии, следуя тактике «выжженной земли», принудительно эвакуировало все население. С собой разрешалось брать лишь самое необходимое из имущества. Остальное нажитое – дома, хозяйственные и другие постройки, имущество – уничтожалось, чтобы не оставлять врагу. Сотни тысяч мирных жителей, в основном стариков, женщин и детей, были сняты с насиженных мест и стали беженцами.

Следует, впрочем, отметить, что 20 июня 1915 года Верховному главнокомандующему доложили об «унынии, озлобленности и смуте» среди населения, порождаемых «бессистемностью эвакуационных распоряжений», «уничтожением целых селений на некоторых корпусных участках». В докладе было указано, что население воспринимает эти меры как «репрессии, уничтожение частного имущества без оценки и без права сохранения его владельцами». Верховный тотчас же по прямому проводу «срочно, секретно» отдал распоряжение генералу Алексееву: «Прикажите все это немедленно устранить», то есть прекратить насильственную эвакуацию [2, с. 22].

Территория Белоруссии в силу своего геополитического и военного положения с самого начала послужила первым пристанищем для многих сотен

тысяч беженцев, двигавшихся из Вольни, Польши, Литвы, а затем и Западной Белоруссии. Например, главный начальник снабжения армий Северо-Западного фронта генерал Н.А. Данилов еще 4 июля 1915 года предлагал житомирскому, холмскому и люблинскому губернаторам «безотлагательно принять энергичные меры к освобождению от беженцев Ковельского, Владимир-Волынского, Холмского, Владавского, Грубешевского, Красновоставского, Люблинского, Радинского, Любартовского и Новоалександровского уездов», требовал направлять их не по железным дорогам, дабы не создавать помех военным перевозкам, а «по обычным дорогам в Кобринский и Пружанский уезды» [3, л. 5]. И уже 9 июля руководство Союза городов, Земского союза и старший врач кауфмановского лазарета, телеграфируя из Кобрина генералу Данилову о проведенной подготовке к приему беженцев (были организованы питание, санитарный осмотр, амбулаторный прием, оборудованы изоляторы для заразных и так далее), с тревогой сообщали о громадном скоплении беженцев и ежедневном прибытии все новых и новых партий. В целях предотвращения распространения заразных болезней в ближайшем тылу войск они просили не допускать дальнейшего скопления беженцев в Кобрине, а направлять их по железной дороге в Пинск. О переполненной беженцами Минской губернии сообщал в начале июля генералу Данилову главный

начальник Минского военного округа князь Енгалычев. Он просил «направлять всех беженцев за Днепр в губернии, с более благоприятными условиями для них, – Могилевскую и Смоленскую» [3, л. 18].

Военные власти делали попытки эвакуировать беженцев на восток. Генерал Данилов 11 июля просил начальника Минского военного округа «отдать срочное распоряжение о подготовке новых районов сосредоточения беженцев в Смоленской и Могилевской губерниях и о передвижении избытка их из Кобринского и Пружанского уездов по железной дороге во вновь назначенные районы». Однако из-за разрухи на транспорте и отсутствия необходимых средств это не всегда удавалось.

Люди в основном оседали на неоккупированной части Белоруссии, переполняя ее города и местечки. К осени 1915 года только на территории Минской губернии сконцентрировалось более 120 тыс. беженцев, в Гомеле и окрестностях – около 300 тыс., в Витебске более 90 тыс. Всего было зарегистрировано свыше 1 млн. 300 тыс. беженцев из Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Волыни [4, с. 19; 1, с. 17]. Не имевшие средств к существованию, они являлись тяжелым бременем для местных жителей.

Население неоккупированной части Белоруссии, само испытывая все тяготы войны, делилось с беженцами последним из съестных припасов, фуражом, одеждой, обувью, предоставляло кров. «Самое участливое, гуманное отношение к беженцам» жителей Минской, Витебской, Смоленской и Псковской губерний отмечала в своих сводках военная цензура. Однако всем оказать помощь было невозможно. Свыше 35 тыс. человек находилось под открытым небом в лесах и на полях в районе железнодорожных станций Койданово, Столбцы, Городея. От 20 до 40 тыс. жили на территории имения Хмельники около Бобруйска, до 64 тыс. – в районе Речицы, других местах [4, с. 20]. В условиях голода, холода, ан-

тисанитарии, отсутствия медицинской помощи беженцы ежедневно умирали десятками.

Отступление русских войск и перенесение военных действий на территорию Белоруссии нанесли огромный ущерб народному хозяйству. В 1915 году в связи с наступлением германских войск были эвакуированы вглубь империи 432 фабрично-заводских предприятия. До конца же года на неоккупированной части Белоруссии осталось только 139 таких предприятий, большинство из которых работало с перебоями и выполняло в основном военные заказы для фронта [5, с. 61]. Вместе с тем военным ведомством был открыт ряд новых – по выпуску обмундирования, ремонту вооружения и военной техники, а производство товаров народного потребления сильно сократилось.

Военное положение Белоруссии отрицательно отражалось на экономике и особенно на сельском хозяйстве. Захват противником части территории, массовые мобилизации мужчин, реквизиции лошадей для фронта, лишение тем самым деревни основных рабочих рук и тягловой силы привели к значительному сокращению посевных площадей продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью собран. Посевы озимых уничтожались передвижением войск, волной беженцев, прогоном военных гуртов скота.

Тяжелым бременем на сельских жителей прифронтовых губерний легли военно-оборонительные работы: строительство

Беженцы.
Гродненская
губерния.
1914 год

**СМОЛЬЯНИНОВ
Михаил Митрофанович.**
Родился в 1940 году
в с. Плоская Вершина
Липецкой области.
В 1970 году окончил
Минский государственный
педагогический институт
имени А.М. Горького.
Кандидат исторических
наук (1977). С 1970 года –
старший научный
сотрудник в Институте
истории Национальной
академии наук Беларуси.
Исследует проблемы
истории Первой мировой
войны, Февральской
и Октябрьской революций
в Беларуси. Автор
4 монографий и более
60 научных статей.

мостов, дорог, рытье окопов и так далее, часто требовавшие многодневного участия в них сотен и тысяч трудоспособных мужчин и женщин вместе с гужевым транспортом. Например, летом 1915 года, в самый разгар полевых работ, только в Гродненском уезде из 17 тыс. 490 трудоспособных мужчин на военно-инженерных работах в Гродненской крепости, на охране железнодорожных линий, других казенных работах, по неполным данным, одновременно было занято свыше 10 тыс. человек и около тысячи подвод. В июле волковыскому уездному исправнику было предписано «немедленно отправить на военные работы 400 рабочих».

На пепелище
родного
дома.
1915 год

У минского губернатора военные власти требовали для строительства подъездов к мосту через Березину в Бобруйске 400 рабочих и 200 подвод сроком на четыре недели. В Новогрудском уезде, по сообщению уездного исправника минскому губернатору, «оставшееся население незанятой неприятелем части уезда было почти все занято исключительно работами по укреплению позиций» [4, с. 19]. И так было повсеместно в прифронтовой Белоруссии. Разорение несли крестьянам многочисленные реквизиции на нужды армии: лошадей, крупного рогатого скота, зерна, фуража, съестных припасов. Официальные власти предписывали забирать у беженцев перед выездом всех домашних

животных, а при посадке в поезда – и лошадей. Тем, кто оставался на месте, позволялось иметь одного коня и корову, месячный запас муки, зерна и фуража. Причем реквизиции проводились бессистемно – как военными, так и гражданскими. Случалось, в одну волость приезжало сразу несколько комиссий и каждая требовала выполнить соответствующую разнарядку.

Еще более горестным было положение белорусского населения на занятой противником территории. Немцы также проводили реквизиции, силой забирая у крестьян последнее. Заставляли их работать на строительстве оборонительных сооружений, выполнять подводную повинность. Оккупанты насиловали женщин, убивали стариков, детей.

Российские войска за весь период военных действий терпели неудачи по причине военно-технической и экономической отсталости страны, из-за бездарности командования и его зависимости в планировании и проведении военных операций от союзников по Антанте – Франции и Англии. Общие потери российской армии с начала войны составили 2 млн. 910 тыс. человек. Продолжение войны требовало новых мобилизаций, и в 1916 году в армию было призвано около 5 млн. человек [6, с. 47], а для подготовки к военным операциям в 1917 году потребовалось дополнительно призвать еще 1 млн. 900 тыс. человек. Из белорусских губерний было мобилизовано 50 % трудоспособного мужского населения – 900 тыс. человек, а из Минской, Могилевской и Витебской к осени 1917 года мобилизовали 634 тыс. 400 человек [1, с. 17; 5, с. 62].

Все новые и новые массовые мобилизации обескровливали тыл, приводили в упадок производительные силы страны, особенно сельское хозяйство. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (на фронт было мобилизовано 2,5 млн. лошадей) в 1916 году имели место значительные сокращения посевных площадей основных культур,

а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Посевные площади в Витебской, Минской и Могилевской губерниях за 1914–1916 годы сократились на 15,6 %, поголовье скота – на 11,4 % [7, с. 133]. Большой тяжестью для сельского населения прифронтовых губерний являлись военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытье окопов и так далее. Большой вред наносили реквизиции скота, хлеба и фуража, которые систематически проводили как военные, так и гражданские власти. Все это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота, в конечном счете, разорению деревни. В прифронтовых белорусских губерниях, переполненных войсками и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз из глубинных районов России. Достаточно сказать, что для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре–ноябре 1916 года требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211. Из запланированных к поставке в Полоцк и Дриссу 506 вагонов муки и крупы доставили только 84 [5, с. 64; 8, с. 122].

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 года для армии было погружено 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре только 67 %. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живем ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение... Раскладка сокращена так, что дальше идти не желательно», – докладывал на совещании в Ставке в Могилеве 17–18 декабря 1916 года главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт [4, с. 26]. И с каждым днем положение со снабжением все ухудшалось, приближаясь к кризисному. В начале февраля 1917

года интенданты на Западном фронте отмечали, что «за последнее время мяса прибывает только 25 % суточной потребности. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня войска окажутся в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом» [4, с. 27].

В начале 1917 года на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Так, в двадцатых числах февраля, по донесениям интенданта фронта, вместо крупы войска получали чечевицу, а вместо хлеба – сухари. Недопоставлялись чай, сахар, сушеные овощи. В первых числах марта «в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти не было» [9, с. 93].

Командование пыталось восполнить недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Но и оно (особенно в городах) голодало не меньше, чем солдаты на фронте. Например, в начале 1917 года выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов неоккупированной части белорусских губерний сократилась до минимума и составила в Минске 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и по 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки [5, с. 64]. Тут, как и в крупнейших промышленных центрах страны – Петрограде, Москве и других городах, разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

Наряду с продовольствием и вооружением не хватало обмундирования, особенно в зимнее время – теплой одежды, сапог, фуража. С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, огромные людские потери в сражениях, испытывали голод и тяготы лишений, достигшие к 1917 году критической черты. Все это способствовало тому, что российская армия – бывший оплот самодержавия, стала ему мощной оппозицией и в феврале 1917 года перешла на сторону восставшего народа. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Республика Беларусь. Энциклопедия. – Т. 6. – Мн., 2008.
2. Зайончковский, А. Мировая война 1914–1918 гг. / А. Зайончковский. – 3-е изд. – Т. 1. – М., 1938.
3. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2020. – Оп. 1. – Д. 131.
4. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М.М. Смольянинов. – Мн., 2007.
5. Победа Советской власти в Белоруссии. – Мн., 1967.
6. Китанина, Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.) / Т.М. Китанина. – Л., 1985.
7. Экономическая история Беларуси. – Мн., 1993.
8. Полоцк. Исторический очерк. – 2-е изд. – Мн., 1987.
9. Новая экономика. – 2007. – № 11–12.